

ДАРОВАННЫЕ ПРАВА: ПРОБЛЕМА ИНКЛЮЗИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БИОЭТИКЕ

Алексеев Николай Владимирович

студент кафедры молекулярной биологии биологического факультета
Белорусский государственный университет

***Аннотация.** Современная биоэтика на данный момент времени переживает кризис: на фоне различных правозащитных движений и формирования «новой этики» инклюзивность этики повышается; человечество пытается разработать новую правовую и моральную систему, включающую иные биологические виды, однако при детальной переработке этических ценностей обнаруживается, что даже человеческая этика зачастую не готова к решению некоторых проблем. В этой работе автор хочет выделить причины потребности современного общества в более широком понимании этики и проблемы построения инклюзивной этики.*

***Ключевые слова:** биоэтика; права животных; иерархия; права человека; инклюзивность.*

GRANTED RIGHTS: THE INCLUSIVENESS PROBLEM IN MODERN BIOETHICS

Alekseev Nikolai Vladimirovich

student, Department of Molecular Biology, Faculty of Biology
Belarusian State University

***Abstract.** Modern bioethics is currently going through a crisis: on the background of various human rights movements and the formation of a "new ethics", the inclusiveness of ethics is increasing; humanity is trying to develop a new legal and moral system that includes other biological species, but a detailed processing of ethical values reveals that even human ethics is often not ready to solve some problems. In this work, the author wants to highlight the reasons of the need of modern society for a broader understanding of ethics and the problems of building an inclusive ethics.*

***Keywords:** bioethics; animal rights; hierarchy; human rights; inclusiveness.*

На данный момент правозащитные движения находятся, возможно, на высочайшем уровне своего развития. Благодаря реформированию норм и яростной борьбе за шанс на равные условия жизни женщины, этнические меньшинства, люди с ограниченными физическими возможностями и ментальными заболеваниями и ЛГБТК+-комьюнити занимают все более и более устойчивое положение в мировом сообществе.

Антикапиталистические движения требуют и зачастую добиваются справедливого распределения благ, а к экологическим проблемам привлекается все больше и больше внимания. Как писала Т. Щитцова, «...Притупление чувствительности в одном поле должно обернуться расцветом новых форм моральной чувствительности – в другом, форм, которые будут интенсифицированы уже самой потребностью в постоянном пересмотре моральных принципов... В перспективе не новое существо, но, безусловно, новый тип человека: невозмутимый в том, что когда-то затрагивало нас, но чувствительный к различиям, о характере которых мы ещё даже не догадываемся» [1, с. 29]. И теперь мы, кажется, готовы к тому, чтобы включить в этическую систему другие биологические виды.

Однако в таком случае мы сталкиваемся с парадоксом. Старые системы этики абсолютно не приспособлены к расширению биоэтики, а «новая этика» ради эффективной защиты тех, кто в ней нуждается, приобрела качество некоторой безжалостности. Не допуская моральных полумер, она требует решения вопроса видовой этики прямо сейчас, зачастую осуждая тех, кто указывает на очевидные противоречия.

Действительно ли равны жизни животного и человека? Приемлемо ли решать за другие виды, как будет лучше для них? Прежде всего, сам вопрос о правах животных вызывает, как не иронично, много вопросов.

Прежде всего, важно отметить, что тезис о врожденном праве на жизнь абсурден, потому что врожденными правами не обладает ни одно живое существо, включая человека. В биологических экосистемах в принципе не существует такого понятия, как право на что-либо: любое право для индивида – это сложная система табу для других индивидов. Права являются эксклюзивным для человека концептом, производным от общественного договора – не вреди мне, и я не наврежу тебе. Эта система табу работает только для человека – никто не станет судить животное по человеческим законам так же, как никто не станет судить ураган за нанесенный ущерб. Человек, будучи единственным существом, способным осознать концепцию права, является его единственным видовым субъектом.

Животное, в свою очередь, может быть только его объектом – мы, как правовые монополисты планеты, «даруем» животным те права, которые мы считаем для них подходящими, и которые не навредят нам самим – совсем как монархи, даровавшие народу конституцию. Животные в правах нуждаться не могут – сама концепция для них непостижима, иначе биологические консорциумы были бы устроены куда сложнее.

М. Хорьков считает, что классические мораль и право основаны на представлении о человеке как живом существе, обладающем индивидуальной свободной волей и поэтому могущем выбирать между добром и злом, правильным и неправильным и нести за это ответственность [1, с. 85]. На этом основании никто в эпоху модерна, в отличие от архаических культур, не призывает к правовой ответственности животных за нанесённый ими ущерб. Но ответственность за свои поступки – это обязательное условие для того, чтобы быть субъектом права; люди, на это не способные, в определенной степени «выключаются» из правовой системы, обретая в ней близкое к животным положение. Если права – продукт общественного договора, то как можно ожидать от зверя выполнения своей части этого договора? Очевидно, что животных правами наделяем мы. И в таком случае мы сталкиваемся с проблемой.

Ю. Хабермас утверждает, что «сциентистская вера в науку, которая однажды не только дополнит самопонимание личности, но и заменит его объективирующим самоописанием ... является не наукой, а плохой философией» [цит. по: 1, с. 76]. И это, безусловно, верно – попытки использовать науку как руководство к жизни подарили нам множество печальных примеров: социал-дарвинизм, евгенику, различные омерзительные способы «лечения» ментальных заболеваний вплоть до лоботомии и прочие примеры непомерного человеческого эго, рожденные из попытки понять, что такое, собственно, человек. В вопросе биоэтики мы также пытаемся опереться на научный базис, который, как нам кажется, поможет нам ранжировать животных по потребности в правах, однако наука дает слишком уж противоречивые ответы.

Если в качестве основы иерархии животных взять интеллект, «развитость», то мы сталкиваемся с несоответствием. Да, поначалу кажется, что система вроде как работает: шимпанзе обижать вообще нельзя, кошек нельзя, рыб лучше не стоит, муравьев нежелательно, но, в принципе, как захочется. Однако, что в таком случае на таком низком правовом уровне делают коровы? Они проживают гораздо более печальную жизнь, чем кошки, хотя по уровню интеллекта точно им не уступают. Естественно, в данном случае мы опираемся на эстетическую привлекательность, но разве это разумно? Или вспомним про устриц, а точнее, про бытующее мнение, что они не чувствуют боль. Не суть важно, правда это или нет, проведем мысленный эксперимент: если устрицы настолько неразвиты, значит, в нашей правовой иерархии они будут где-то около бактерий. Но ведь пойти и прямо сейчас методично истребить всех

на свете устриц одну за одной было бы, очевидно, по крайней мере предосудительно. Почему мы так считаем, если самим устрицам все равно? И это еще не считая того, что ранжирование по интеллекту несколько отдаст евгеникой.

Рассмотрим далее две полярные точки зрения. Если признать права животных абсолютными, то есть приравнять животное к человеку, пострадает сам человек – и естественно, что мы не можем такого допустить, потому что мы, как вид, должны прежде всего заботиться о себе. Обратная точка зрения также не валидна – если мы считаем, что животные не заслуживают прав вообще, то на каком основании мы сами считаем себя особенными перед лицом биологии? К тому же, что тогда сделать со всем объемом эмпатии к животным, выработавшимся за тысячи лет?

В наше время огромное количество объединений требует отмены опытов на животных, однако любому человеку, углубившемуся в медицину или биологию, станет ясно, что обойтись без них мы пока не можем. Это жизненно необходимый этап любых исследований, и отменять его – бесчеловечно и мизантропично. Жизнь человека априорно более ценна, чем жизнь животного для человека – это заложено эволюционно, а если для человека животное кажется более ценным, то это свидетельствует о глубоком психологическом нарушении (разумеется, мы не берем в расчет наших домашних животных, которые для нас, конечно, ценнее иных людей). Животные не обидятся на нас за несправедливость – сам концепт для них неизвестен, в то время как массы людей вряд ли обрадуются прекращению исследований смертельных заболеваний. Другой вопрос в том, насколько важны исследования, например, косметики? Жизнь кролика, очевидно, проигрывает жизни человека, а вот проигрывает ли она новому шампуню? В данном случае вопрос, пожалуй, риторический.

Вопрос о том, насколько полезна наука в гуманитарных областях, остается открытым с самых первых шагов человечества. Как считают И. Гердер и Х. Йонас, проблема того, насколько наука сама по себе способствует преумножению человеческого счастья, в принципе неразрешима [1, с. 74]. Подобный казус наблюдается и в биоэтике – способствуем ли мы, как человечество, счастьем или несчастьем животных в целом? С пищевой промышленностью все понятно, но вот с домашними животными все неоднозначно. С одной стороны, они содержатся у нас в рабстве, которое не способны (предположительно) осознать, однако с другой – разве не делаем мы их жизнь качественно лучше и интереснее,

подобно тому, как мы поступаем с собственными детьми? К сожалению, мы не знаем, в чем они нуждаются, кроме самых примитивных потребностей, и исследований на эту тему все еще прискорбно мало.

До сих пор мы рассматривали животных как объекты права, однако взглянем и на их субъектность. Приведем отрывок из научно-популярной книги А. Казанцевой: «...Но многие шимпанзе участвуют не в медицинских, а в поведенческих исследованиях. [...] В 1982 году шимпанзе Люси, обученную языку жестов, отдали участвовать в программе реинтродукции лабораторных шимпанзе в африканские джунгли. Она освоилась, пользовалась уважением коллег, хорошо питалась. Но когда через полгода знакомая студентка приехала ее навестить, Люси сказала: “Забери меня отсюда”. Ее не забрали – некуда было забирать. Люси осталась в лесу и в 1988 году погибла от рук браконьеров» [2, с. 41].

Правильно ли поступили исследователи в данном случае?

Не думаю, что в ближайшие годы или даже десятилетия нам удастся построить биоэтическую систему, которая даст нам ответы на все приведенные здесь вопросы. Но поставить эти вопросы очень важно – так мы сможем увидеть цель, к которой стоит стремиться, опорные точки, на которые стоит опираться в этом пути «рука об лапу» с братьями нашими меньшими. И тогда, возможно, инклюзивная биоэтика перестанет быть просто мечтой правозащитников.

Список литературы

1. Борисов, Е. В., Горных, А. А., Инишев, И. Н., Лаврухин, А. В., Усманова, А. Р., Шпарага, О. Н., Щитцова, Т. В. Философско-культурологический журнал «Топос» // «Топос». 2007. Т. 2. ISSN 1815-0047.
2. Казанцева А. В интернете кто-то не прав! Научные исследования спорных вопросов -- Москва: «Аст», 2016.

References

1. Borisov, E. V., Gornyh, A. A., Inishev, I. N., Lavruhin, A. V., Usmanova, A. R., SHparaga, O. N., SHCHitcova, T. V. Filosofsko-kul'turologicheskij zhurnal «Topos» // «Topos». 2007. T. 2. ISSN 1815-0047.
2. Kazanceva A. V internete kto-to ne prav! Nauchnye issledovaniya spornyh voprosov -- Moskva: «Ast», 2016.